

РЯДОМ СПЕСНЕЙ

ПОПОВЫХ в Гулынках знали все. Впрочем, только ли в Гулынках? Весь уезд знал фельдшера Григория Аристарховича Попова.

До сих пор кажется Евгению Григорьевичу, что отец работал только ночью и непременно в ненастье.

Среди ночи в окно стучали бесцеремонно.

— Григорь-Аристархыч!

Секунду подождут — и снова под отчаянное дребезжание стекол и лай Узная:

— Григорий Аристархович!

Отец торопливо и привычно засвечивал лампу, одевался, забирал загодя приготовленный саквояж и негромко говорил:

— Я скоро, мать.

И уходил в дождь или метель.

Ночные визиты отца, да еще песни — самые яркие впечатления детства.

Песни он мог слушать часами. То протяжные и грустные, то озорные и насмешливые, они запомнились на всю жизнь. Настоянные на сиреневом цветке и пугливых сумерках летних вечеров, они начинали звучать вскоре после того, как разбрелась по дворам пахнущие парным молоком коровы, затихала в близком лесу кукушка и на черном небе появлялись редкие звезды. Где-то у невидимого клуба прозрачный, как мартовская капля, девичий голос запевал первую песню. И Женя замирал на приступках крыльца и сердился на лохматого Узная, когда тот начинал лаять на подозрительные, с его точки зрения, вечерние шорохи.

В двадцать восьмом году Поповы решили поставить новую избу. У двора появился аккуратный штабель бревен в чешуйчатой коре, сквозь которую беспощадное летнее солнце вытопило тягучую липкую смолу.

Зажав в кулаке сделанную отцом деревянную саблю, Женя гонял вокруг бревен обезумевшего от страха соседского петуха («А чего он нашего долбаит и долбаит?») и не заметил, как у двора остановились трое мужиков с холщевыми мешками за плечами.

— Сынок! — окликнул его один из них, высокий, кражистый, с ослепительной русой бородой. — Здесь живут Поповы?

— Тут, дяденька. А зачем мы вам?

— Избу рубить новую станем.

Кто первый рассказал ему, сероглазому рязанскому плотнику, о Женкиной мечте — балалайке? Отец? Мать? Он сам? Только однажды было сказано:

— Будет тебе, Женя, балалайка. Вечером нынче и начнем ладить. Почему не теперь? Делу время — потехе час.

Где он теперь, безмяннанный русский человек, за три вечера сработавший топором и другими нехитрыми плотничьими инструментами звонкую балалайку? Низкий поклон тебе от заслуженного деятеля искусств РСФСР, руководителя Рязанского народного хора Евгения Григорьевича Попова.

В тот вечер, когда ты, уставший, пахнущий табаком и крепким потом на совесть поработавшего мужчины, присел на бревно и провел оселком по лезвию топора, определилась судьба шестилетнего мальчишки из рязанского села Гулынки и протянулась ниточка к другому селу с ласковым названием Журавинки, откуда ведет свою родословную Рязанский народный хор.

Сегодня певцов и танцоров с родины Сергея Есенина знают во всех уголках нашей великой страны.

Три основных тона составляют цветовую гамму на сцене, когда выступает коллектив: ярко-зеленый, голубой и золотистый. Эти цвета сразу напоминают о мягкой, чистой красоте средней полосы России — ослепительно зеленых заливных лугах, высоком небе, золотых по осени березовых рощах.

Этим раздолбем, близким и дорогим всякому русскому человеку, проникнуты и песни Рязанщины, полные удивительного лиризма, задушевности, мягкости и чистоты.

О чем бы ни пел Рязанский хор, его исполнение светло, прозрачно и свободно.

— Народный хор, — говорит Е. Г. Попов, — должен владеть всем богатством вокальных красок, ибо нет ничего прекраснее, чем человеческий голос.

Когда слушаешь хор, убеждаешься в справедливости этих слов: все человеческие эмоции, все переживания рождаются в звуке поющих — то задумчиво-ласковым, то лукаво-задорном, то сдержанно-скорбном. И отчетливо начинаешь понимать: как же необыкновенно хороша наша русская народная песня!

ЗИМОИ сорок шестого года декана дирижерско-хорового факультета Московской консерватории Свешникова остановил в коридоре стройный светлоголовый солдат:

— Сержант Попов. Помните, я сдавал вам экзамен по сольфеджио в июне сорок первого года?

— Запомывал, — честно признался профессор. — Но что вы хотите?

— Учиться на вашем факультете.

— Пожалуйста. Приезжайте через полгода.

— Шесть месяцев — это долго. Я без того потерял пять лет.

Долго рассказывать, как искали в архиве документы, как убеждал Свешников ректора: «Согласитесь, — горячился профессор, — учиться проще, чем воевать, Попов непременно догонит курс», но факт остается — летом Евгений Григорьевич успешно сдал экзамены и был переведен на второй курс.

СЧАСТЛИВ тот человек, который однажды завернет с большака на проселок, увидит заросший пруд у родной околицы, почерневший от непогоды дом, где знаком каждый сучок в добела отмытых половицах, и вдруг почувствует, поймет сердцем, что нельзя послужить России, не послужив родным местам.

Вернулся с первых каникул в консерваторию Попов с твердым убеждением — после окончания только домой, на Рязанщину.

На третьем курсе Попов прочно утвердился в числе лучших студентов дирижерско-хорового факультета, на чет-

вертом стал коммунистом, а на пятом он прочитал в газете «Советское искусство» статью «Заброшенный хор», в которой композиторы Александров, Новиков, Копосов высказывали сожаление, что на богатой песенными традициями рязанской земле народный хор существует на положении пасынка. И заявил: «Еду весной в Рязань».

Напрасно его отговаривали, мол, ты талантливый дирижер, тебе и в Москве найдется приличное место. А что в Рязани? Пятнадцать человек, не имеющих представления о музыкальной грамоте, работать с ними негде, общежития нет. Кто этими вопросами заниматься будет?

— Я, — твердо сказал Попов и, получив диплом с отличием, уехал в Рязань.

Все было так, как ему предсказали. Он пошел в областное управление культуры, но там развели руками:

— Всем трудно, а работаем. Не забывайте, за плечами — война.

Попов ушел, сердито хлопнув дверью: «Демагоги!» И записался на прием к первому секретарю обкома партии. Заранее подготовил речь о том, что понимает, как трудно нынче России. Хвостятся очереди за хлебом и сахаром, не хватает леса и кирпича для сожженных фашистами городов и сел, и он сам, сержант Попов, не износил еще солдатской своей шинели. Трудно, но не хлебом же единым жив человек!

Не пришлось ему говорить заготовленной речи, потому что секретарь обкома сказал:

— Сам понимаешь, брат, трудно. Только не хлебом единым живы. Поможем!

Через неделю хор получил общежитие. Маленькое, тесное, где койка руководителя хора стояла рядом с койками солистов, а женскую половину от мужской отделял полог из наскоро сшитых старых одеял.

— Но никто не роптал, — вспоминает Евгений Григорьевич. — Понимали: это все, что тогда можно было сделать. И, честное слово, гордость приходит, когда думаешь, сколько мы, советские люди, успели за последние двадцать лет. Обидно, что не всегда умеем хорошо рассказать об этом молодым.

СЛУШАЯ негромкий голос Евгения Григорьевича, я вспоминал, как на областном совещании работников сельского хозяйства один из ораторов, отмечая перемены, происшедшие в деревне, рассказывал:

— Недавно пришлось побывать в Журавинках, в колхозе имени Карла Маркса. И вот председатель колхоза говорит: у меня к вам просьба. Понятно, думаю, трактор тебе нужен или автомашина. Но оказалось, что нужен колхозу хороший руководитель художественной самодеятельности, потому что Журавинки — родина Рязанского народного хора и никак нельзя им без хорошей самодеятельности.

Я знаю журавинского председателя. Зовут его — Иван Морозов. Два года назад он разменял четвертый десяток, в председателях пять лет, а до того — мастер Кораблнского комбината шелковых тканей. Но закончил человек заочно сельхозинститут, пригласили его в райком партии и сказали: — Селу нужны грамотные, молодые руководители. Конкретно? Председатель в Журавинки. Как смотришь?

Он согласился, но жена отказалась наотрез. И тогда Иван, как всякий мужчина, не привыкший к путешествиям, неуклюже собрал чемодан и укатил в свои Журавинки.

В тот момент, когда он просил секретаря обкома прислать руководителя в самодеятельность, конечно, это был не самый главный вопрос для хозяйства. Но так уж они устроены, настырные мои земляки-рязанцы, про которых наш поэт, ровесник журавинского

председателя, Герольд Киселев написал:

Лежу, устав, на ворохе зерна,

Пшеничины зубами разминаю...

Потом встаю. Работаю.

И знаю,

Какая хлебу русскому цена.

Об этом подумалось нынешней весной, когда, принимая поздравления после блестящего выступления Рязанского русского народного хора в Москве в зале Чайковского и награждение коллектива дипломом I степени Министерства культуры СССР за большой вклад в дело пропаганды русской народной музыки, Евгений Григорьевич Попов говорил:

— Хочется от всей души сказать спасибо людям, которые помогли и помогают множить славу песенного искусства земли Сергея Есенина.

Б. ШАПОВАЛОВ.

На снимке: Е. Г. Попов.